

Научная статья
УДК 325:94
doi: 10.17223/2312461X/42/8

Языки описания депортации калмыков

Эльза-Баир Мацаковна Гучинова

*Институт этнологии и антропологии РАН, Москва, Россия,
bairjan@mail.ru*

Аннотация. Рассматривается проблема неразработанности научного языка при изучении массовых переселений в СССР, включая депортации на этнической основе. Показаны разные регистры в терминологии, используемой при описании депортации калмыков. Документы НКВД-МГБ, освещающие кодовую операцию выселения калмыков «Улусы», были призваны дегуманизировать народ, чтобы исполнителям операции было легче выполнить жестокую задачу. Однако после расселения калмыков, когда были нужны рабочие руки, по отчетам партийных комиссий, проверяющих состояние калмыков в Новосибирской области, можно отметить гуманное отношение к калмыкам-спецпереселенцам. Тексты народных песен о Сибири отражают процесс изменения статуса, калмыки сравнивали себя с животными и депривированными социальными группами прошлого, а нарративы поколения 1 (высланных подростками и старше) и поколения 2 (родившихся в Сибири) демонстрируют примирение с прошлым. Тексты постов социальных медиа поколения 3 – поколения постпамяти, а также название самого главного в Калмыкии места памяти о депортации мемориала «Исход и возвращение», отражают разные настроения: от принятия прошлого до его драматизации. В отсутствие академической терминологии при описании депортации в публичном пространстве расходятся журналистские или правозащитные термины, которые или слишком эмоциональны, или не подкреплены юридически. Пришло время разобраться что же значат термины «ссылка», «высылка», «депортация», «спецпереселенцы» и другие; каким образом их можно корректно использовать.

Ключевые слова: депортация, спецпереселенцы, язык описания, дискурс, Сибирь, калмыки, ссылка

Для цитирования: Гучинова Э.-Б.М. Языки описания депортации калмыков // Сибирские исторические исследования. 2023. № 4. С. 144–163. doi: 10.17223/2312461X/42/8

Original article
doi: 10.17223/2312461X/42/8

Languages for Describing the Kalmyk Deportations

Elza-Bair M. Guchinova

*Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation, bairjan@mail.ru*

Abstract. The article addresses the issue of the underdevelopment of scientific language in the study of mass migrations in the USSR, including deportations based on ethnicity. The goal of the article is to demonstrate different registers in the terminology

used to describe the deportation of the Kalmyks. NKVD MGB documents covering the coded operation of Kalmyk expulsion, known as "Ulusy," aimed to dehumanize the people, making it easier for the operation's executors to carry out the cruel task. However, after the resettlement of the Kalmyks, when manual labor was needed, reports from party commissions assessing the condition of the Kalmyks in the Novosibirsk region reveal a humane attitude towards the Kalmyk special settlers. The texts of folk songs about Siberia reflect the process of changing status, in which Kalmyks compared themselves to animals and deprived social groups of the past. Narratives from Generation 1 (those deported as adolescents and older) and Generation 2 (born in Siberia) demonstrate reconciliation with the past. The texts of social media posts from Generation 3—the postmemory generation—as well as the names of the main memorial site in Kalmykia dedicated to the deportation, the "Exodus and Return" memorial, reflect different moods: from accepting the past to dramatizing it. In the absence of academic terminology in describing deportation in the public space, journalistic or human rights terms diverge, being either too emotional or lacking legal backing. It is time to understand the meanings of terms such as reference, expulsion, deportation, special settlers, etc., and how to use them correctly.

Keywords: deportation, special settlers, language of description, discourse, Siberia, Kalmyks, exile

For citation: Guchinova, E.-B.M. (2023) Languages for Describing the Kalmyk Deportations. *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 4. pp. 144–163. (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/42/8

Историческое прошлое в разные периоды и применительно к разным регионам СССР нередко становилось «неудобным прошлым» (Эппле 2020) в связи с меняющейся исторической политикой государства. К событиям такого прошлого относятся истории массовых переселений и депортаций.

В начале 1990-х гг. в исследованиях историков и этнографов появились новые темы, связанные со снятием запретов на обсуждение ранее табуированных сюжетов о репрессивной политике Советского государства. К ним относится история массовых переселений народов накануне, во время и после Великой Отечественной войны. Открытие архивных фондов и введение в научный оборот документов того периода быстро отражалось в журнальных публикациях, которые шокировали драматическими подробностями, хлесткими фразами и смелым употреблением юридической терминологии применительно к событиям прошлого. С некоторым опозданием от публицистики стали появляться научные публикации. Они содержали важные документы по теме или пересказывали их, а также первые обзоры той или иной темы.

Публикации о депортациях на этнической основе были особенно востребованы в группах, члены которых были репрессированы на основании принадлежности этой группе. Это особенно касалось превентивных депортаций и депортаций возмездия, так как эти операции были тотальными депортациями этнических групп. Из-за доминирующего в СССР примордиального понимания этничности политическое обвинение,

принятое во внесудебном порядке, распространялось на всех членов группы, включая младенцев. Такая стигматизация этничности отражалась на идентификации членов группы, которая для многих из них проблематизировалась. Любому человеку важно относиться к сообществу позитивно, но если остаются белые пятна неизученного, не проговоренного из недавней истории, шлейф подозрений и неуверенности подпитывает негативную идентичность.

В недлинной историографии советских депортаций используются разные термины применительно к названным кейсам. Даже основные категории этой терминологии остаются без нюансировки. Если «депортация – процесс принудительного переселения отдельных социальных и этнических групп, осуществляемый специально уполномоченными органами государства с целью предупреждения политических преступлений в их среде» (Шадт 2017: 360), то в чем различия между означаемым и определяемым близкими, но различающимися терминами: депортация, выселение, насильственная миграция, этническая ссылка?

Спецпоселение, в трактовке Шадта, – это «система принудительного расселения депортированных лиц на определенной территории, с последующим установлением административного надзора за ними со стороны специально уполномоченных органов», а также «комплекс мер административно-принудительного характера, направленный на размещение и установление контроля за депортированными и экономическое использование их рабочей силы» (Шадт 2006: 72). Тезаурус проблемы массовых депортаций включает и другие термины с плавающими значениями, точный смысл которых исследователи не всегда понимают наверняка, в том числе значимые термины, определяющие статус репрессированных, такие как: внутренние перемещенные лица, депортанты, спецпереселенцы, спецпоселенцы, трудпереселенцы, ссыльные, высланные, сосланные.

О травмах прошлого мы узнаем из разного вида текстов: письменных, устных, визуальных. От того, какими словами описано историческое событие, зависит наше восприятие и его оценка: члены пострадавшей группы будут особенно чувствительны к внешним оценкам, часто считая историческую несправедливость по отношению к своей группе особенно жестокой.

Цель статьи – показать, какие языки описания существуют для такого исторического события, как депортация калмыков из мест проживания: Калмыцкой АССР, Калмыцкого района Ростовской области и Ставропольского края, а также 13 лет их проживания в Сибири в статусе «спецпереселенцев» в разных регистрах описания. Если исходить от источника, создающего и использующего язык для описания этого события, то существует, по крайней мере, три регистра терминов и выражений, описывающих депортацию калмыков: язык государственных и

партийных органов (1), язык народных калмыцких песен и нарративов свидетелей (2), язык описания и оценок депортации в современной Калмыкии (3).

Источниками послужили опубликованные документы операции «Улусы» (1943–1944 гг.) (Бакаев и др. 1993), опубликованная отчетность инспекторов Новосибирского обкома КПСС (1944–1946 гг.) (Выдрина и др. 2018), тексты народных песен и тексты интервью калмыков, имеющих личный опыт депортации, записанные в Калмыкии в 2004–2018 гг., а также полевые наблюдения, материалы прессы, социальных сетей, отражающие как официальные подходы, так и мнения частных лиц.

Язык партийных и государственных органов

Масштабное травматическое событие всегда сложно описать. Первыми обычно это делают силы, организующие событие, их трактовка также имеет травмирующий эффект.

Рассмотрим, как подается депортация калмыков организаторами и исполнителями операции «Улусы» в служебных инструкциях и переписке, ведомственных отчетах разного уровня. В языке партийных (ВКПб), репрессивных и контролирующих органов (НКВД), в указах, отчетах, циркулярах, резолюциях и постановлениях совещаний партийных органов, используются различные выражения применительно к калмыкам: *оперируемый спецконтингент, спецпереселенцы, изъятие и выселение лиц калмыцкой национальности, отгрузка товара, живой спецгруз*.

Подготовка массовых депортаций держалась в строгом секрете, в том числе и операция по выселению калмыков, имевшая кодовое название «Улусы». Для успешного проведения операции, нужно было морально подготовить солдат и офицеров, прямых исполнителей этих акций. Это было необходимо для выполнения задачи, которая могла вызвать сомнения у исполнителей, ведь официальная идеология Советского государства включала доктрину пролетарского интернационализма, утверждала равенство всех людей независимо от национальной принадлежности. Именно так воспитывали детей в советской школе, в том числе военных, которые являлись основными исполнителями приговора. Чтобы 10 тысяч военнослужащих, привлеченных к выполнению операции «Улусы» (Книга памяти... 1993: 8), без колебаний выполняли жестокие приказы, надо было их убедить в правомерности выселения через особые служебные инструкции.

Кроме клеветнической информации о высылаемом народе, переноса вины за преступления отдельных лиц на всю этническую группу, активно использовались приемы дегуманизации репрессированных. Однако дегуманизация населения страны началась гораздо раньше, когда классовые интересы были объявлены приоритетными над

общечеловеческими ценностями. С началом Великой Отечественной войны все силы государства были мобилизованы для фронта. Вот какой язык использует, говоря о создании 110-й ОККД (Отдельная калмыцкая кавалерийская дивизия), в 1942 г. один из руководителей Калмыцкой Автономной Республики: *формирование дивизии было целиком на местном материале* (ПМА. Инф.1). Для властного дискурса было типично обозначать людей, лошадей, упряжь, форму для дивизии одним словом – *материал*. В этой фразе нет ничего личного, это стандартный язык партийной бюрократии, который спускался сверху и был единственно возможным для сотрудников всех партийных, комсомольских и государственных органов страны.

В документации сотрудников структур, которые организовывали операцию «Улусы», четко прослеживается желание характеризовать людей не по национальному признаку, а как-то иначе, чтобы «закамуфлировать» репрессированных «нейтральными» терминами. Это название кодовое, т.е. зашифрованное. Лексему *улусы* можно перевести с калмыцкого языка как ‘районы’, до 1943 г. административно-территориальное деление Калмыкии осуществлялось на улусы. Улусы также переводится и как ‘люди’, и как ‘народы’. В данном случае для исполнителей операции, не знающих калмыцкого языка, улусы – это не люди, не народ, это территориальные единицы. Кодировка человеческого лучше видна в названии операции «Чечевица» – такое наименование было у следующей после депортации калмыков операции по выселению чеченцев и ингушей 23.02.1944. «Говорящее название» отражало цинизм государственных репрессивных органов того времени. Помимо звуковой ассоциации (ЧЕЧЕНЦЫ – ЧЕЧЕВиЦа) здесь прозрачно формулируется и отношение власти к народам как к крупе, а к людям – как к крупинкам (Гучинова 2021).

Подготовка к приему депортированных началась до того, как 27 декабря 1943 г. был подписан Указ «О ликвидации Калмыцкой АССР и образовании Астраханской области в составе РСФСР» (Книга памяти... 1993: 18). Самые большие, плодородные земли отошли к созданной Астраханской области, остальные были поделены между Ставропольским краем и Ростовской областью. Уже в первой половине декабря (не позднее 16.12.1943) начальник Управления НКВД по Новосибирской области, комиссар госбезопасности Ф.П. Петровский разослал письменную Инструкцию о порядке подготовки к приему и расселению спецпереселенцев в районах Новосибирской области, в которой калмыки названы **спецпереселенцами**. 24 декабря в переписке появляется термин **контингент**, т.е. совокупность людей, однородных по какому-либо признаку. Контингентность как направленность не на конкретное лицо, не на индивидуального гражданина, а на целую группу лиц, подчас весьма многочисленную и отвечающую заданным сверху критериям, – одна из особенностей массовых депортаций в СССР (Полян 2005: 5). В данном случае

всех объединяет принадлежность к этнической группе, но использовать этноним здесь авторы текстов избегают, поскольку наказание на основании принадлежности к этнической группе противоречило риторике пролетарского интернационализма, одной из основных доктрин советской идеологии. Введено новое «другое» слово для скрытого обозначения людей. К тому же выбранное слово «контингент» подразумевает отсутствие субъектности у его составляющих, контингент не имеет мнения, не имеет чувств. Поэтому можно написать в отчете «поступивший контингент». В ряде областей Сибири всюду шла подготовка «к приему **контингента** (здесь и далее в цитатах выделено мной. – Э.-Б.Г.): подбираются 20 человек учетчиков для заполнения семейных карточек» (Выдрина 2018: 15). 25 декабря появляется специальный термин **спецконтингент** (16). И на местах тут же докладывают наверх, в Новосибирский обком ВКПб, что для учета прибывшего спецконтингента на перевалочных пунктах будут работать 15 человек учетчиков в Убинском районе (18). В декабре 1943 г. уже высланы ингерманландцы, российские немцы, корейцы, карачаевцы, готовятся следующие операции, но язык для использования еще не сформирован: слова «контингент» и «спецконтингент» используются как синонимы.

Операция «Улусы» была представлена комиссаром госбезопасности М.И. Маркеевым как «**операция по изъятию и выселению лиц калмыцкой национальности**» (Книга памяти... 1993: 42). Изъятие на сленге НКВД означало арест. Но в тех же документах перечисляется, что кроме калмыков было изъято: боевое оружие, наганы, пистолеты, охотничьи ружья, малокалиберные винтовки, холодное оружие и проч. (Книга памяти... 1993: 49). Таким образом, одушевленное и неодушевленное оказывается рядом, калмыки поставлены в тот же ряд, что и перечисленное оружие, представляющее опасность.

Дегуманизация как часть политики по отношению к репрессированным отразилась в языке документов в тех терминах, которые уменьшают человеческое содержание применительно к депортируемым, таким как «**подвозимый оперируемый состав**», «**контингент**» (Книга памяти... 1993: 67), «**спецконтингент**», «**поступивший спецконтингент**» (Выдрина 2018: 25). От термина, которым обозначены калмыки как масса без субъектности, но все же одушевленная, переходили к терминам, которые все меньше содержали человеческого. Выражение «**живой спецгруз**» (Книга памяти... 1993: 109) вполне можно соотнести с животными, а «**товар на погрузку**» (Книга памяти... 1993: 105) уже не содержал и намек на живых людей.

Так, в телефонограмме капитана милиции Кишокова в УНКВД Ставропольского края о начале выселения калмыков «по Горячеводскому и Минводскому кустам» содержалось:

Из Наура т. Рыгалов и из Моздока т. Уточкин сообщили: приступили к **отгрузке товара**... По сообщению начальника Воронцово-Александровского РО НКГБ т. Юрченко и ответственного НКВД т. Дьяченко в Александровско-Обиленском районе имеется **товар**. Этому району дано задание приступить к **отгрузке товара**. В других районах **товара нет** (Книга памяти... 1993: 106).

Калмыки – граждане СССР, хотя и репрессированные, были обозначены как неодушевленные предметы: **товар, спецгруз**. Используя такой язык было легче осуществлять операцию «Улусы», на нем было легче объяснять участникам операции их задачи и требовать их неукоснительного выполнения – доставки **«живого спецгруза»** в восточные районы страны. Вагоны для скота должны были быть оборудованы под **«людские перевозки»** (Книга памяти... 1993: 93). Дегуманизация, начатая в языке документа на бумаге, продолжалась на местах расселения уже устно.

Однако было бы неверно приписывать властным структурам только жестокость. Рассматривая в совокупности протоколы совещаний, инструкции и циркуляры, мы видим в ряде документов проявление заботы о страдающих людях. Парадоксальность отношения к калмыкам (наверняка такое было и в отношении других национальных групп) можно видеть в сочувствии голодающим, разутым и раздетым людям и в то же время в признании статуса спецпереселенцев.

К 1943 г. уже были проведены превентивные депортации, с ноября 1943 г. начались депортации возмездия. Однако эти массовые переселения не освещались в прессе, народы и их национальные территориальные образования, если они были, тихо пропадали с карты СССР. Исчезая символически из советского общества, депортированные группы появлялись в деревнях и колхозах Сибири, Казахстана и Средней Азии. Их сопровождали слухи о том, что они являются врагами народа и изменниками. Местные жители встречали калмыков как опасных чужаков, иногда даже подозревая их в каннибализме, но через год-два привыкли к инородцам и уже относились по-соседски (Гучинова 2020).

Однако ответственные работники партийных органов понимали степень не/виновности сосланных калмыков. Даже в официальной переписке партийные бюрократы, согласные с обвинением и с самой акцией, не могут скрыть сочувствие по отношению к слабым, больным, беспомощным людям. Партийные функционеры в своих отчетах наверх указывают бедственное положение наказанных, но остающихся советскими гражданами людей. В отчетах проверяющих можно найти строки, в которых, видимо, в порядке мелких недочетов, указывалось, что «не были приняты меры к обеспечению теплой одеждой перевозимых спецпереселенцев. Люди перевозились в полураздетом состоянии» (Книга памяти... 1993: 23). Во многих документах указана необходимость помощи.

В справке инструктора отдела кадров Новосибирского обкома ВКП(б) «О хозяйственно-трудовом устройстве калмыков, расселенных в г. Барабинске и Барабинском районе», подготовленной 20 июля 1946 г. под грифом «секретно» отмечалось:

Взаимоотношения коренного населения с калмыками в данное время вполне нормальные, фактов гонения, презрения калмыков со стороны коренного населения проверкой не установлено, за исключением отдельных выпадов со стороны некоторых низовых руководящих работников. Например, управляющий первой фермой Козловского совхоза т. Щеплов огульно охаивал калмыков и допускал грубости. Так, например, зимой 1946 г., поссорившись с калмыками, заявил: «Утопить бы вас всех в поганой проруби». В результате чего у большинства калмыков, работающих на этой ферме, создались нездоровые настроения (Выдрина 2018: 162).

Отмечая, что «взаимоотношения коренного населения с калмыками в данное время вполне нормальные», инспектор дает понять, что до недавнего времени были и «факты гонения», и «факты презрения».

Инструктор Н.С. Мерзляков отмечает, что в Барабинском районе (1946 г.) 68 человек живут в домах, непригодных для жилья. Например, семья гражданки Д.Д. Базаровой «живет в колхозном холодном амбаре, совершенно непригодном для жилья, без печи, с просвечивающими стенами и дверями» (Выдрина 2018: 156). О подобных жилищных условиях части калмыков, проживающих в Искитимском районе, докладывала инструктор Обкома ВКПб О.Г. Зотова:

В ряде колхозов («Память Куйбышева», «Комбайн», «Новая жизнь», на известковом заводе) помещения, где живут по 2–3 семьи в одной небольшой комнате, пришли в негодность (печи развалены, потолки обваливаются и придерживаются на подпорках, окна не застеклены, коек и столов нет, стены закопчены) и о ремонте этих квартир никто не думает (Выдрина 2018: 165).

Из тех же отчетов мы узнаем, как в центре выделялись ссуды на покупку домов, стекла и другие стройматериалы для ремонта калмыцких жилищ, шерсть для валяния зимней обуви, дубленок, но все это не доходило в срок, или доходило в неполном объеме, или использовалось на местах нецелевым образом. Чрезмерная бюрократизация поставок часто сводила на нет резолюции о выделении помощи спецпереселенцам. Руководители на местах, куда везли «врагов народа», не сразу перестраивались на поддержку прибывших.

Язык повествования и язык песен высланных

Второй регистр создается эмными высказываниями. Это язык описания тех событий непосредственно высланными, отраженный в коммуникативной памяти и в песенном фольклоре. В рассказах поколения 1 (высланных в возрасте после 12 лет) и поколения 1,5 (высланных в возрасте

до 12 лет) выселение и жизнь в Сибири называется на русском языке *переселением*, *высылкой*, *ссылкой*, в песнях и прозе на калмыцком языке – *кочевой* и даже *перегоном*. Ниже приведена фраза из романа народного писателя Калмыкии А. Балакаева «Тринадцать лет, тринадцать дней»:

Бүкл келн-эмтиг таңһинь уурулад, һурвн зун арвн жилэс давуд бээршн бүүрэсн көндәһэд, киитн үзтүр тууһад һарла (Балакан 1991: 3) / Весь народ, отменив его государственность, существовавшую более 310 лет, выселили, **перегнав** в холодные места.

Важный источник, где выражены чувства и думы депортированных, – народные песни, написанные там и в то время на калмыцком языке. Однако в калмыцких текстах присутствуют русские слова, отражающие официальный репрессивный дискурс. Здесь мы рассматриваем именно эту узкую часть авторитетного дискурса, представляющего советскую идеологию (Юрчак 2016: 55), которая непосредственно связана с обвинением и наказанием и вошла в «сибирский текст» как непере译имые русские слова. Исключением было обобщенное название региона **Сивр/Сибирь**, которое стало для народа символом эпохи и долгие годы было эвфемизмом депортации. Если калмыки в разговоре упоминали Сибирь, то могли иметь ввиду и локус выселения, и статус спецпереселенца, и его длительность с 1943 по 1956 г. Сибирь иногда названа огромной, с безграничными просторами, в которой легко распылить народ и разбросать близких родственников. В других песнях Сибирь названа маленькой, «размером с ладонь», потому что спецпереселенцы были прикреплены к своим населенным пунктам и не имели права уезжать без разрешения коменданта на расстояние более чем 5 км. Эта Сибирь скукоживалась до территории села и окрестностей.

Многие народные песни о депортации и жизни в Сибири называются «Сиврүр туулһн» (СТ), что можно перевести как изгнание в Сибирь, а также и как **перегон в Сибирь**. Лексема *перегон* имеет несколько значений. Самое первое – участок железной дороги между двумя станциями, здесь нет человеческого присутствия. Перегон также используется в значении «перемещение транспорта из одного пункта в другой», перемещение в пространстве, в котором имеет значение состояние транспорта, а не перевозимый груз, значение груза стремится к нулю.

Это же выражение скотоводы понимают как перегон скота. Летом 1942 г. калмыки должны были перегонять эвакуированный с Украины и из Ростовской области в Калмыкию крупный рогатый скот в Казахстан, затем перегоняли скот из колхозов и совхозов тех районов, которые были под угрозой оккупации. Весь этот крупный рогатый скот было вменено перегнать калмыкам в Казахстан, что являлось невероятно трудным заданием. Не хватало людей, чтобы ежедневно поить и кормить тысячи коров, быков, телят, волов. В отсутствие еды и воды для поголовья и

перегонщиков, а также проверенного маршрута, это было невероятно трудной задачей. Падеж скота, который тоже надо было фиксировать, а также факт того, что не все перегоны были успешными, стали настоящим испытанием, приобретающим травматические коннотации. Это усиливалось тем, что «передача эвакуированного из Украины скота немцам» (Книга памяти... 1993: 18) была одним из пунктов обвинения Указа от 27.12.1943.

Депортация людей была организована намного лучше, чем эвакуация скота. Вот как вспоминал об этом один из руководителей республики:

В августе 1942 г. ставропольский скот гнали через наши степи. Жара, попробуй этот скот из Ставрополя через степь на Волгу перевести. Переправить через Волгу скот почему было трудно? Даже из Башанты (300 км) погонщики доходили до Элисты и разбегались... Кто погонщики? Старики, женщины, подростки, школьники. Они должны пешком скот гнать. Скот надо кормить, поить, доить. Коровы ревут. Это было очень сложно (ПМА. Инф.1)

В песне «Сиврүр туулһн» / «Перегон в Сибирь» (СТ) отражен статус калмыков, близкий к положению скотины; это отягощалось и тяжелыми погодными условиями (лето, жара, отсутствие воды и травы для скота в выгоревшей степи или зима, холод, отсутствие еды для людей в скотском вагоне). Еще 27 декабря калмыки жили как люди, 28 декабря стало рубежом, когда они теряют субъектность, и первая подсказка подсознания об этом была в сравнении с домашними животными, выводя себя за рамки человеческого статуса. В одной из известных песен о Сибири так и поется:

Дөһн һурвдгч жилин сүүлэрнь
Дегц цуһарн туугдлави́дн.

В конце сорок третьего года
Разом все [калмыки] были **перегнаны**. (ГЦД)

Для народа, занимающегося скотоводством, животные одушевлены в той мере, что иногда можно было поставить знак равенства между человеком и, например, быком/коровой. В скотском вагоне, чувствуя себя почти животным, автор одной из песен использовал лексему *мээртүлв*. Она означает животное чувство жажды, которое испытывает скот. Но если эту лексему применить к человеку, она отражает такую жажду, когда отключаются культурные нормы и он готов пить любую воду, независимо от того, какого она качества.

Улан ширтэ вагонднь
Уульдад-дуудулад шууглдад орв.
Уульдад-дуудулад орлулад чигн
Уудг усар **мээртүлв**.

В красного цвета вагон
С плачем, окриками и шумом зашли.
С плачем, окриками и шумом зашли.
Хотелось питьевой воды (СД 1).

Другая зооморфная лексема, часто встречающаяся в песнях – *дзуд*. Дзуд в обычной жизни – это беда для скотовода, массовый падеж скота

из-за бескормицы и морозов. В традиционной практике отгонного животноводства в зимние месяцы скот отгоняли на зимовья, на которых обычно выпадает мало снега, и отара свободно гуляет в поиске пропитания. Дзуд бывает зимой, когда снег подтаял и ударили морозы, образуется наст, по которому скот не может идти. Гололедица покрывает большие пространства, не давая скоту искать пропитание. Назвав это бедствие дзудом, неизвестные авторы апеллировали к общему скотоводческому опыту переживания катастроф, сравнивая свое положение со скотским, так как страдали от невозможности добывать еду и самостоятельного передвижения.

Өнр-лә, өсклңг-лә хальмг улснь
Өлән-лә, зудла-ла хархва.

В достатке жившие калмыки,
Встретились с нуждой и **дзудом** (УЗХ).

Также в песнях авторы прямо сравнивают себя с беззащитными животными:

Өнчн хурһд мет,
Энрэд, көөркс, йовцхана

Как сиротливые ягнята,
Удрученные, бедняги, едут (СД 2).

Почти в каждом нарративе на русском языке и во многих песнях Сибирского цикла, написанных на калмыцком языке, часто используется пассивный залог, отражающий объектность калмыков в эти годы, например: *Хальмгудыг нүүлһснэ туск дун / Песня о том, как калмыков выселяли.*

В этой же песне мы находим строки, которые кажутся в первом приближении абсурдными:

Көк теңгсин көвәһәс
«Коммунизм» гидг пароход,
«Коммунизм» гидг пароход
Киитн Сибртнь күргв.

С берега Каспийского моря
Пароход под названием «Коммунизм»,
Пароход под названием «Коммунизм»,
В холодную Сибирь доставил (Болдырева 2020).

С берега Каспийского моря нет дороги в Сибирь по воде. Но народные песни как раз и хороши теми конкретными деталями, которые дополняют хронику и подтверждают ее подлинность. Действительно, в сентябре 1944 г. пароход с близким названием «Коммунист» доставил группу калмыков в Ханты-Мансийск из Омской области (Иванов 2014: 66). В данном случае название транспорта выглядит символично. Сибирские песни часто интертекстуальны, но, похоже, здесь совпадение факта с метафорой.

Красноречивые примеры мы встречаем в спонтанных интервью, в которых высланные в 1943 г. калмыки вспоминают сибирский опыт. В них мы встречаем выражения, которые неслучайно появляются в спонтанном рассказе, отражая сложную темпоральность нарратива, который уносит рассказчиков в военную или послевоенную Сибирь, вызывая к жизни слова и чувства того времени. Рассказчики не используют такие

выражения, как «депортация» или «геноцид», но их чувства и мысли тех лет передаются языком травмы, в котором рассказчики описывают свой статус сравнением с исторически известными статусами зависимых людей (крепостные, рабы), с животными, грамматическими формами, в которых особенно часто используются глаголы в пассивном залоге, а также лексика смерти, вины и наказания, сюжеты о несчастных случаях, инвалидах. Нередко спонтанно использованы приемы деперсонализации и инфантилизации. Например:

...помню эпизод, что мы, дети, сидим на бревнах, и в этой избе русские сбивают масло, и нам выносят пахту в чашке. Хотя пахта была нужна им самим, они хотели подкормить калмычат, и нам выносили (Берденова (цит. по: Гучинова 2008)).

Здесь обращает на себя внимание выражение «**калмычата**». Дело не том, что Лиде Б., запомнившей этот эпизод на всю жизнь, было пять лет. Здесь важно, что 60-летняя женщина вспоминает свое сибирское детство и проговаривает те слова, которые первыми приходят в голову. Этнонимы с уменьшительным суффиксом не часто используются самими членами этнической группы. Такая форма отражает социальное неравенство представителей разных этнических групп, переданное здесь через инфантилизацию объекта. В наши дни женщина чувствует, что тогда, в 1944 г., калмыки не обладали всеми правами взрослого человека, их права в обществе были урезаны, как у ребенка (не умеют говорить, не все понимают, не умеют зарабатывать, совершают много неверных поступков, поэтому им нельзя далеко отходить от дома, и т.д.). Поскольку социальные компетенции большей части калмыков в то время были как у ребенка, возникло слово «калмычата». Известно, что каждый рассказ – это конструкция, в которой рассказчик посредством слов и сюжетов выстраивает повествование «в зависимости от социальных рамок памяти» (Halbwachs 1992: 38–39). В 2006 г., когда этот нарратив был записан, рассказчица смогла поставить «диагноз» социальному самочувствию взрослых калмыков *быть калмычатами*, оказавшимися беспомощными, как дети.

В другом нарративе мы встречаем такую фразу: *А знаешь, когда нас освободили, мы поехали за своим скотом в Казахстан, нам его не вернули* (ПМА. Инф. 1). Лексема *освободили* отсылает к лексике заключенных и периоду несвободы, который остался в сознании бывших репрессированных. Хотя решение о депортации было внесудебным, свою поднадзорность члены группы четко ощущали, прежде всего, по причине регулярного контроля комендатуры, оставшись в социальной памяти как постоянное унижение.

Важно, что все нарративы поколения 1, поколения 1,5 и поколения 2, собранные мной в 2004 г. и позже, – прогрессивные в терминах Дж. Александра. Сами свидетели событий уже пережили депортацию и

долгое молчание о жизни в Сибири. Для них события 1943–1957 гг. стали «историческим распутием, которое постепенно будет преодолено» (Александр 2013: 164).

Поколение постпамяти

Третий регистр был вызван к жизни после трех десятилетий молчания, когда в калмыцком обществе был нулевой уровень культурной памяти. После Декларации Верховного Совета РФ от 7.03.1991 «О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечении их прав» (Известия. 14 марта 1991) тема депортации была легализована. Но при всей актуальности проблемы не существовало научного языка, чтобы эту проблему описать.

В отсутствие академического языка в 1990-е гг. в публичном дискурсе стал задавать тон язык журналистики, это продолжилось и в XXI в. Термин «депортация» стал зонтичным и теперь начал применяться и к транспортировке в места выселения, и к 13 годам проживания в Сибири. Характеристика депортации как геноцида стала для читателей общей темой. Язык поколения 3 (внуков депортированных) и особенно гражданских активистов в социальных сетях – это язык поколения постпамяти (Хирш 2021). 28 декабря, в День памяти жертв депортации калмыцкого народа, который стал официальной датой в 2004 г., социальные сети наполнены фотографиями с изображениями зажженной лампы в память о погибших с подписью «Нет геноциду». В терминах Дж.Александера, это проявление трагического нарратива, такое восприятие культурной травмы, которое не может смириться с прошлым.

Событием в Калмыкии стало открытие в 1996 г. монумента «Исход и возвращение» авторства Эрнста Неизвестного. Если применить концепцию А. Эткинды о мягких и твердых формах культуры (Эткинды 2016: 228), то безусловно, это пример твердой формы культуры. Однако монумент Э. Неизвестного сам представляет смягченную версию депортации калмыков. Название скульптуре дал автор, употребляя привычные исторические понятия своего народа. Используемый в названии термин «исход» – не синоним депортации. Исход связан с решением внутри группы, как правило, также вызванным неблагоприятными обстоятельствами, а не внешним насилием. Во время исхода люди сами решают, когда им покидать родные места, куда направляться, и готовятся к этому. Ни к одной из сталинских депортаций этот термин неприменим. Однако в Калмыкии спокойно реагируют на это название, возможно, из-за уважения к известному скульптору, а также из-за высокого стиля, в котором бюрократический термин «депортация» невозможен, как и бытовое слово «выселение». Имело значение и двусложное название мемориала.

Возвращение как бы искупает *исход*, ошибка исправлена и справедливость восстановлена (Гучинова 2021а).

Название мемориала, ставшего местом памяти, воспринято элистинцами без критики и стало мемом депортации. Рэпер Александр Ванькаев именно так назвал свою песню о Сибири, написанную на основе семейной истории и посвященную деду. В социальных сетях можно встретить такое объявление:

Друзья, завтра 8 июня лайтовая пробежка. Сбор: 18:30, старт 19:00. Место: Исход и возвращение.

Другой пример использования неадекватной терминологии можно найти в названии поэмы В. Шакуева «Исповедь каторжанки». Лексема *исповедь* дезориентирует читателя, уводя его ассоциации от буддийской традиции гелукпа, к которой относят себя верующие калмыки, к христианской традиции. При этом «исповедь» – не просто повествование, оно тематическое – рассказывающее о непотребном поступке: от проступка до преступления. Второе слово в названии – «каторжанка» – отсылает из советской сталинской эпохи к более ранним, царским временам. Каторжанка – это женщина, которая отбывает наказание на каторге (в тюрьме особо строгого режима с привлечением тяжелого физического труда) или бывшая на каторге (чаще осужденная за свою политическую деятельность). В отличие от калмычек, высланных за принадлежность к этнической группе, каторжанка – по определению преступница, которая нарушила закон, действительно совершив преступление. Есть еще одно существенное различие – она осуждена, а калмыки были «наказаны» во внесудебном порядке согласно Указу Верховного Совета СССР от 27 декабря 1943 г. Даже в народных песнях, которые слагали простые люди, часто звучит сожаление, что людей сослали, «не разбирались, кто виновен, а кто – нет», но автор стихотворения нечувствителен к терминологии. Он использует слова, не задумываясь о том, что в таком сочетании они дискурсивно меняют существо вопроса юридически и исторически, представляя слушателю или читателю ложную интерпретацию истории (Гучинова 2021б: 132).

Слоган, висевший на билбордах в Элисте «Они [поколение дедов] смогли и мы сможем», а также отъезд специалистов на работу в столицу или на север страны в поисках лучших условий труда, который также разлучает родственников, иногда называют в республике второй депортацией, что нормализует депортационный опыт поколения 1.

Стоит обратить внимание и на другие нарративные шаблоны, которые возникают в связи с историей депортации. Например, одна из улиц в центре Элисты носит имя Серова. Улица была названа в честь летчика-испытателя Анатолия Серова, погибшего в 1939 г., но многие горожане

были уверены, что в честь генерала Ивана Серова, который руководил операцией «Улусы», и потому настаивали на переименовании улицы.

Наконец, если заглянуть в Википедию, информацию которой многие воспринимают некритически, можно узнать, что из-за тяжелых условий одна треть депортированных калмыков погибли в железнодорожных вагонах по пути в Сибирь. Однако в докладной записке заместителя наркома внутренних дел СССР Чернышова наркому Л.П. Берия приведены такие цифры: 1 640 чел. погибло, что составило 1,6% от общего числа высланных, и 1 010 чел. было госпитализировано (Книга памяти... 1993: 123).

Одна треть погибших осталось в народном сознании, скорей всего, как эхо другой массовой трагедии – исхода калмыков 1771 г. в Джунгарию (так называемый Торгоутский побег). В результате этого движения по схожему вектору на восток через казахские степи в пути погибла одна треть народа (см.: Батмаев 1993; Колесник 2003), а оставшиеся за Волгой калмыки потеряли свою государственность, Калмыцкое ханство было ликвидировано.

Постсоветский период, открыв малоизвестные страницы истории, дал импульс развитию калмыцкой государственности, который также влиял на этническую идентичность. Драматические события недавнего прошлого объясняли и как бы искупали языковой сдвиг у калмыков, некоторый отход от скотоводства, утрату калмыцких пород скота, которые когда-то были гордостью народа. Для руководства республики «трудное прошлое» нередко было поводом для получения дополнительных субсидий из центра, а также некоторым оправданием за депрессивную экономику в республике

Мы рассмотрели три регистра языков описания депортации калмыков. Первый регистр был создан силовыми ведомствами на службе государства и в декабре 1943 – январе 1944 г. служил для организации операции «Улусы», для успешного проведения которой нужен был жесткий настрой исполнителей. Он включал выражения, которыми народ обозначался как неодушевленный (товар для погрузки), а также унижающие человеческие достоинства (контингент, изъять калмыков).

После расселения калмыков в Сибири тон у власти меняется. Руководителям страны и регионов нужны рабочие руки на местах, и в отчетах инспекторов, проверяющих от региональных комитетов ВКПб положение калмыков, мы слышим ноты сочувствия бедствующим и желание облегчить их положение.

Второй регистр отражает язык описания депортации прямыми участниками тех событий. Народные песни, которые создавались по горячим

следам, отражают первые реакции: в них звучат растерянность, обида, тоска. Язык, который проявляет травму, это язык скотоводов, которые чувствуют свой статус репрессированных, сравнивая его с животными, место которых символически заняли они сами. Прощаясь с домашним скотом, калмыки в песнях наделяют его мыслями и чувствами, очеловечивают. Памятуя о поездке в скотских вагонах, калмыки описывают свои чувства и статус через зооморфную лексику. Народом был создан Сибирский цикл песен, тексты которых сочинялись в эшелонах, другие куплеты дописывались в Сибири, в них отражались новые проблемы. Язык песен помогал сформировать возникшие вопросы, выразить чувства, проявить солидарность с другими калмыками, заявить о страданиях народа.

Через три десятилетия после возвращения государство признало акты депортации незаконными юридически и символически: были организованы материальные выплаты, льготы на оплату коммунальных расходов и проезд на ж/д транспорте; в официальном календаре появился День памяти и скорби; возведен мемориал «Исход и возвращение»; по Сибири проехали четыре Поезда Памяти. Все это способствовало позитивной проработке культурной травмы. Нарративы представителей поколения 1, поколения 1,5 и поколения 2 говорят о примирении с трудным прошлым (Гучинова 2020, 2023).

Третий регистр включает высказывания поколения 3 (внуки депортированных) – тех, кто, не располагая депортационным опытом, не имел доступа к коммуникативной памяти, поскольку старшие родственники при жизни о Сибири не рассказывали, а сейчас их нет. Но потребность знать о той эпохе была, и источником знаний стали газетные статьи, стихи и проза, спектакли и фильмы, т.е. продукты культурной памяти, которые по своим законам жанра должны быть драматичными или трагическими.

В исторической политике государства в 1990-е гг. был сделан акцент на злодеяниях сталинской эпохи, который выражался в многочисленных публикациях в медиа. После десятилетий замалчивания у молодежи возникла потребность узнать историю этого периода, как семейную, так и своего народа. Читателям запоминались те публикации, которые содержали пронзительные подробности, жестокую статистику и в сознании отпечатались как типичные истории.

После долгого замалчивания, также имевшего травматический эффект, неудивительно, что никто в республике не возражал против некорректных названий, так как читатели считали, что важными были сама тема депортации и рассказанные истории. В 2000-е гг., когда государством была предложена «доктрина тотальной преемственности» (Эппле 2020: 38), общественный дискурс в республике включал как трагические нарративы, так и нормализующие. Последний подход исходит

«сверху», трагический нарратив подхватывается «снизу» поколением постпамяти, для многих история депортации вписывается в обоснование деколониальных взглядов.

В отсутствие научных дискуссий в исторических исследованиях о депортации калмыков встречается термин международного права «геноцид», имеющий свое облако смыслов. Используя этот термин, обычно имеют ввиду высокую смертность калмыков, особенно в дороге и в первые два года жизни в Сибири, что противоречит устоявшемуся пониманию, основанному на интенциях организаторов на уничтожение. Поколение 1 помнило массовые расстрелы эвакуированных с Украины евреев во время частичной оккупации Калмыкии (Гучинова 2019, 2023). В этом смысле термин «геноцид» вряд ли применим к данному кейсу. Но у него есть и другое значение: размывание идентичности (см. статью В.А. Танайловой в этом номере), и в этом узком смысле есть основания его использовать.

Ни один из указанных регистров не подходит для аналитических задач гуманитарной науки. Эта проблема относится ко многим аналогичным кейсам, исследующим депортации советских народов. Тезаурус при анализе реалий сталинской эпохи должен отражать современный уровень науки. Используя термины изучаемой эпохи без кавычек, мы возвращаем лексику репрессивных органов и как бы смотрим с их позиции. Пора обсудить содержание используемых терминов (*депортация, ссылка, высылка, спецпереселенцы* и др.) и предложить единый для советского поля тезаурус. У науки если есть какая-то власть, то как раз власть «давать имена». Это трудная задача, но ее надо хотя бы поставить.

Список источников

- Александр Дж. Смыслы социальной жизни и культурсоциология. М.: Праксис, 2013.
- Балакан А. Арвн гурвн жил, арвн гурвн одр. | Элст. Хальмг дегтр гаргач / Алексей Балакаев. Тринадцать лет, тринадцать дней. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1991.
- Батмаев М.М. Калмыки в XVII–XVIII веках. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1993.
- Болдырева И.М. Песни о выселении калмыков и их возвращении из Сибири, записанные у информанта М.Б. Мудаевой // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2020. № 3. С. 251–263.
- Выдрина О.В. Депортированные калмыки на Новосибирской земле: расселение и обустройство. Декабрь 1943–1946 гг.: сб. док. / сост.: О.В. Выдрина, И.В. Самарин. Новосибирск, 2018.
- Гучинова Э.Б. Представляя депортацию калмыков: от Поездов Памяти к медиапроектам // Шаги/Steps. 2021a. Т. 7, № 1. С. 117–135.
- Гучинова Э.Б. У каждого своя «Сибирь». Ссылные калмыки в Средней Азии // Диаспоры. 2008. № 1. С. 194–221.
- Гучинова Э.-Б.М. Память о депортации калмыков «поколения 1,5»: конструирование нарратива // Этнографическое обозрение. 2023. № 1. С. 30–44.
- Гучинова Э.М. Репрессированные вайнахи в социальной памяти депортированных калмыков // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2021b. Т. 12,

- вып. 10 (108). URL: <https://history.jes.su/s207987840017090-8-1/> (дата обращения: 20.12.2021). doi: 10.18254/S207987840017090-8
- Гучинова Э.-Б.М. У каждого своя Сибирь. Два женских рассказа о депортации калмыков // Монголоведение. 2020. № 4. С. 778–800. doi: 10.22162/2500-1523-2020-4-778-800
- ГЦД – Гашута цагин дун (Песня горестных времен) // Гэрэн В. Мини жирһлин дуд (Гаряева В. Песни моей жизни). Элиста: Джангар, 2006. С. 48.
- Иванов А.С. «Изыять, как антисоветский элемент...»: Калмыки в государственной политике (1943–1959 гг.) / под ред. Б.У. Серазетдинова. М., 2014.
- Колесник В.И. Последнее великое кочевье. Переход калмыков из Центральной Азии в восточную Европу и обратно в XVII и XVIII веках. М.: Вост. лит. РАН, 2003.
- Книга памяти ссылки калмыцкого народа: сб. документов и материалов. Т. 1: Ссылка калмыков: как это было. Кн. 1 / сост. П.Д. Бакаев и др. Элиста: Калмыцкое книжное изд-во, 1993.
- Полян П.М. Депортации и этничность // Сталинские депортации. 1928–1953 / сост. Н.Л. Поболь, П.М. Полян. М.: МФД; Материк, 2005.
- ПМА. Инф. 1. Горяев, 1914 г.р. Записано в Элисте, 2004.
- СТ – Сиврүр туулһн (Перегон в Сибирь) // Төрскн һазрин дуд (Песни родной земли) / сост. Б.Б. Оконов. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1989. С. 214–215.
- СД 1 – Сиврин дун // Хуучн үгд худл уга. Кеерин хураһну материал. Истины древней словесности. Коллекция экспедиционных материалов. [Текст] / сост., автор вступ. ст. на калм. яз. Е.Э. Хабунова. Элиста: Джангар, 2018. С. 314.
- СД 2 – Сиврин дун, слова и музыка Б. Амбековой.
- УЗХ – Улан залага хальмгуд // Гэрэн В. Мини жирһлин дуд (Гаряева В. Песни моей жизни). Элиста: Джангар, 2006. С. 79.
- Хириш М. Поколение постпамяти. Письмо и визуальная культура после Холокоста. М.: Новое издательство, 2021.
- Шадт А.А. Нормативно-правовая база этнической ссылки (регламентация политико-правового статуса российских немцев) (1940–1950-е гг.) // Маргиналы в советском обществе: механизмы и практика статусного регулирования в 1930–1950-е гг.: сб. науч. ст. Новосибирск, 2006.
- Шадт А.А. Этническая ссылка советских немцев // Маргиналы в советском социуме. 1930-е – середина 1950-х годов / [отв. ред. С.А. Красильников, А.А. Шадт]. 2-е изд. М.: Политическая энциклопедия, 2017. С. 434–518.
- Эппле Н. Неудобное прошлое. Память о государственных преступлениях в России и других странах. М.: НЛО, 2020.
- Эткинд А. Кривое горе. Память о непогребенных. М.: НЛО, 2016.
- Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М.: НЛО, 2016.

References

- Aleksander J. (2013) *Smysly sotsial'noi zhizni i kul'tursotsiologiya* [The Meanings of Social Life: A Cultural Sociology]. Moscow: Praksis.
- Bakaev i dr. (1993) *Kniga pamiati ssylki kalmytskogo naroda. Sb. Dokumentov i materialov. T. 1. Ssylka kalmykov: kak eto bylo. Kn. 1* [The book of memory of the exile of the Kalmyk people. Collection of Documents and materials. Vol. 1. Kalmyks exile: how it was. Book 1]. Elista: Kalmytskoe knizhnoe izd-vo.
- Balakan A. (1991) *Arvn gurvн zhil, arvn gurvн odr. |Elst. Khal'mg degtr gargach / Aleksei Balakaev. Trinadtsat' let, trinadtsat' dnei* [Thirteen years, thirteen days]. Elista: Kalm. Knizhnoe izd-vo. (in Kalmyck)
- Batmaev M.M. (1993) *Kalmyki v XVII – XVIII vekakh* [Kalmyks in 17-18th centuries]. Elista: kalm. Kn. Izd.

- Boldyreva I.M. (2020) Pesni o vyseleanii kalmykov i ikh vozvrashchenii iz Sibiri, zapisannye u informanta M.B. Mudaevoi [The Deported and Returned: Siberia-Related Kalmyk Songs Recorded from M. B. Mudaeva], *Biulleten' Kalmytskogo nauchnogo tsentra RAN*, no. 3, pp. 251–263.
- Eppe N. (2020) *Neudobnoe proshloe. Pamiat' o gosudarstvennykh prestupleniiakh v Rossii i drugikh stranakh* [An Inconvenient Past: The Memory of State Crimes in Russia and Other Countries]. Moscow: NLO.
- Etkind A. (2016) *Krivoie gore. Pamiat' o nepogrebennykh* [Warped Mourning. Stories of the Undead in the Land of Unburied]. Moscow: NLO.
- GTsD (2006) - Gashuta tsagin dun (Pesnia gorestnykh vremen). In: Gərən V. *Mini jəçirhlin dud* [Gariaeva V. Songs of my Life]. Elista: «NPP «Dzhangar», pp. 48. (in Kalmyck)
- Guchinova E.B. (2008) U kazhdogo svoia «Sibir». Ssyl'nye kalmyki v Srednei Azii [Everyone Has One's Own "Siberia". Deported Kalmyks in Central Asia], *Diaspory*, no. 1, pp. 194–221.
- Guchinova E.B. (2021) Predstavliaia deportatsiiu kalmykov: ot Poezdov Pamiati k mediaproektam [Performing the Deportation of Kalmyks: From Memory Trains to Media Projects], *Shagi/ Steps*, Vol. 7, no. 1, pp. 117–135.
- Guchinova E.-B.M. (2023) Pamiat' o deportatsii kalmykov «pokoleniia 1,5»: konstruirovaniie narrativy [The Memory of The Deportation of Kalmyks Of "Generation 1.5": Narrative Construction], *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 1, pp. 30–44.
- Guchinova E.M. (2021) Repressirovannye vainakhi v sotsial'noi pamiati deportirovannykh kalmykov [Repressed Vainakhs in The Social Memory of Deported Kalmyks], *Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal «Istoriia»*, Vol. 12. Is. 10 (108) [Electronic resource]. Available at: <https://history.jes.su/s207987840017090-8-1/> (Accessed 20.12.2021). DOI: 10.18254/S207987840017090-8
- Guchinova E.-B. M. (2020) U kazhdogo svoia Sibir'. Dva zhenskikh rasskaza o deportatsii kalmykov [‘Everyone Has One’s Own Siberia. Two Female Narratives Of The Kalmyk Deportation], *Mongolovedenie*, no. 4, pp. 778–800. DOI: 10.22162/2500-1523-2020-4-778-800
- Ivanov A.S. (2014) *"Iz"iat', kak antisovetskii element..."*: Kalmyki v gosudarstvennoi politike (1943–1959 gg.) [“To withdraw as an anti-Soviet element...”: Kalmyks in state politics (1943–1959)] / ed. by B.U. Serazetdinova; Nauchnyi soviet pri prezidiume RAN po problemam voennoi istorii. Moscow.
- Kolesnik V.I. (2003) *Poslednee velikoe kochev'e. Perekhod kalmykov iz Tsentral'noi Azii v vostochnuiu Evropu i obratno v XVII i XVIII vekakh* [The last great nomad. The Kalmyks' migration from Central Asia to Eastern Europe and back in the 17th and 18th centuries]. Moscow: Vostochnaia literatura RAN.
- PMA (2004) – Author's Field Materials. Participant 1. Goryaev, born 1914. Recorded in Elista, 2004.
- Polian P.M. (2005) Deportatsii i etnichnost' [Deportations and ethnicity]. In: *Stalinskie deportatsii. 1928–1953* [Stalin's deportations. 1928–1953] / Mezhdunarod. fond «Demokratii»; Compiled by N.L. Pobel', P.M. Polian. Moscow: MFD; Materik.
- SD 1 (2018) - Sivrin dun. In: *Khuuchn ygd khudl uga. Keerin khuraŋhu material* [The truths of ancient literature. Collection of expedition materials] / compiled, introduction by E.E. Khabunova. Elista: ZAO «NPP «Dzhangar», pp. 314. (in Kalmyck)
- SD 2 (n.d.) - Sivrin dun, slova i muzyka B. Ambekovoi [Sivrin dun, words and music by B. Ambekova]. (in Kalmyck)
- Shadt A.A. (2006) Normativno-pravovaia baza etnicheskoi ssylki (reglamentatsiia politiko-pravovogo statusa rossiiskikh nemtsev) (1940–1950-e gg.) [The legal framework of ethnic exile (regulation of the political and legal status of Russian Germans) (1940s-1950s)]. In: *Marginaly v sovetskom obshchestve: mekhanizmy i praktika statusnogo regulirovaniia v 1930–1950-e gg.: sb. nauch. st.* [Marginals in Soviet society: mechanisms and practice of status regulation in the 1930s and 1950s: collection of scientific articles]. Novosibirsk.

- Shadt A.A. (2017) Etnicheskaia ssylka sovetskikh nemtsev [Ethnic exile of Soviet Germans]. In: Marginaly v sovetskom sotsiume. 1930-e – sredina 1950-kh godov [Marginals in Soviet society. 1930s – mid-1950s] / eds. S.A. Krasil'nikov, A.A. Shadt. 2nd ed. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya, pp. 434–518.
- ST (1989) – Sivryr tuulhn (Peregon v Sibir'). In: *Tørskn hazrin dud* [Song of the homeland] / comp. by B.B. Okonov. Elista: Kalmytskoe knizhnoe izdatel'stvo, pp. 214–215. (in Kalmyck)
- UZKh (2006) - Ulan zalata khal'mgud. In: Gərən V. *Mini jəirhlin dud* [Gariaeva V. Songs of my Life]. Elista: «NPP «Dzhangar», pp. 79. (in Kalmyck)
- Vydrina O.V. (2018) *Deportirovannye kalmyki na Novosibirskoi zemle: rasselenie i obustroistvo. Dekabr' 1943–1946 gg.: Sbornik dokumentov* [Deported Kalmyks on Novosibirsk land: settlement and arrangement. December 1943-1946: Collection of documents] / Compiled by: O.V. Vydrina, I.V. Samarin. Novosibirsk.
- Yurchak A. (2016) *Eto bylo navsegda, poka ne konchilos'.* [Everything Was Forever, Until It Was No More. The Last Soviet Generation]. Moscow: NLO.

Сведения об авторе:

ГУЧИНОВА Эльза-Баир Мацаковна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии РАН (Москва, Россия). ORCID: 0000-0002-9901-0131. E-mail: bairjan@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Elza-Bair M. Guchinova, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-9901-0131. E-mail: bairjan@mail.ru

The author declares no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 14 августа 2023;
принята к публикации 29 ноября 2023.*

*The article was submitted 14.08.2023;
accepted for publication 29.11.2023.*